

Баджы / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Баджы / рассказ БАДЖЫ

Мы были слишком малы, чтобы понять её, понять её, как нам казалось, такой необъяснимый поступок. Хотя и сестры мои были старше меня, и они не хотели понять, видимо, этому мешал юношеский максимализм, когда в жизни бывают полосы только двух цветов: белая и черная, и никаких других оттенков!

Баджы, как мы её называли любовно, жила со своим мужем дядей Хакимом и двумя дочерьми – Эльмирой и Азизой через забор от нас. Дядя Хаким был директором школы и преподавал в младших классах. А Баджы, которую звали Зерханум, была домохозяйкой и занималась воспитанием своих дочерей. Она была единственной дочерью старшего брата нашего отца – Сердара, и мы очень любили её. Жили они в достатке, семья ни в чем не нуждалась, имели большой фруктовый сад, кое-что сажали для себя в огороде, и вроде поводов для семейных конфликтов, тем более при таком покладистом характере Баджы, не было. И все соседи любовались их мирной семьей, а может, кто и завидовал им... Девочки тоже росли послушными, порядочными, очень любили и почитали своих родителей. Ни за что на свете не захотели бы огорчить их. Поэтому они учились хорошо, по дому помогали матери, во всем слушались своего отца, который, вроде тоже очень любил их и гордился ими.

Поэтому то, что произошло, для нас было как гром среди ясного дня: мы случайно подслушали разговор Баджы с нашей мамой. Голос у неё дрожал то ли от обиды, то ли от волнения, и чувствовалось, что слезы душили её, заставляя говорить отрывисто.

– Сонагыз хала, он хочет жениться, взять вторую жену! Говорит, что я не могу родить ему сыновей, а он хочет продолжения своего рода!

– Что он, сошел с ума? Зачем гневить Аллаха? Разве дочери не его дети и не могут продолжить род?! – ответила ей мама. – Ты

успокойся, может быть, он сказал это вгорячах!

– Нет, нет, он настроен решительно! – ответила Баджы. – Я не хочу, чтобы он привел в мой дом кого попало, и поставила ему условие, что жену ему искать буду я сама!

– О боже! – воскликнула мама. – Ты сошла с ума! И ты будешь и дальше жить с ним?

– Да, вы же знаете, я очень люблю его и не смогу прожить без него и дня! – зарыдала Баджы.

Мои сестры Самура и Солмаз многозначительно переглянулись. А я смотрела на них с разинутым ртом: хоть и была маленькой, понимала, что происходит что-то очень нехорошее, из ряда вон выходящее.

– Каков подлец! – воскликнула Самура. – Видите ли, сыновей ему захотелось!

– Разве можно после этого вообще верить мужчинам? – присоединилась Солмаз. – Ведь они прожили вместе пятнадцать лет!

А я хотела понять своим детским умом, пятнадцать лет это мало или много, и не могла придти к какому-то решению.

Последующие дни у нас дома говорили только о Баджы и её проблеме.

А мы, дети, стали ненавидеть дядю Хакима, которого очень любили до сих пор. Ведь это по его вине нервничала наша мама, и безутешно плакала наша любимая Баджы. А Эльмира с Азизой, узнав о желании отца привести ещё одну жену, чтобы та родила ему сына, ходили как в воду опущенные.

В один прекрасный день Баджы уехала в деревню, где жили её родственники по матери – дядя и тетя. И вернулась не одна, а со своей двоюродной сестрой Зарнишан. Она представила её мужу, сказав, что ради неё Зарнишан готова стать второй женой дяди Хакима.

Прошло много лет, но мне до сих пор не понятно, как Зарнишан согласилась стать женой мужа своей сестры! Они поженились и стали жить все вместе в одном доме.

Мои сестры забрали Баджы к нам домой, чтобы ей было легче перенести боль предательства. Но она умудрялась убегать каждую ночь на свидание к своему мужу, ожидающего её каждую ночь под

лестницей. И тогда сестры поняли: тут ничего не поделаешь, и отпустили Баджы к себе домой.

Самое удивительное, в их семье никогда не было никаких конфликтов. Нам детям было неизвестно, как они делили между собой мужа: по дням недели, или ещё как. Но мы от всей души желали и молили Аллаха, чтобы и Зарнишан родила дяде Хакиму дочерей. Но, увы, судьба распорядилась иначе: она родила мужу подряд троих сыновей, и он был на седьмом небе от счастья. Он совершенно охладел к дочерям, перенося всю свою любовь на сыновей – Этибора, Тахира и Октая. А Баджы со всей душой прикипела к мальчикам и полюбила их как собственных детей, нянчилась с ними, выполняла любые их капризы. Какой же должна быть великой любовью, чтобы пожертвовать ради неё и своим самолюбием, и гордостью, и даже ревностью! Казалось, нынешнее состояние дел в семье вполне устраивало Баджы, она не была похожа на женщину, которую предал самый близкий человек. Улыбка не сходила с её доброго лица, мы никогда не видели, чтобы она повысила на кого-либо голос, жаловалась кому-нибудь на свою судьбу. И глядя на неё, все думали, что она самая счастливая на свете женщина.

По истечению многих лет, почти под старость, когда меня предал мой собственный муж, который тоже захотел занять сына в свои 70 лет, я поняла, насколько это может быть больно, и как трудно скрыть от посторонних глаз эту боль... Наши две дочери, старшая из которых была на девятом месяце беременности, были убиты дома бесчеловечным мародером во время гражданской войны. Я, в отличие от Баджы, не смогла простить мужу предательства, главное то, что он предал память моих святых дочерей, подала на развод и рассталась с человеком, перечеркнувшим прожитые вместе 43 года...

Со временем и Эльмира и Азиза привязались к своим братишкам, забыв о своих обидах. И вот жили дружно под одной крышей один муж – две жены, две дочери и трое сыновей.

Устав от пересудов, и соседи перестали обсуждать проблемы этой семьи, которая была диковинкой для тех шестидесятых годов. Да и мы уже привыкли к Зарнишан, звали её тетей Зарнишан. И она очень привязалась к нам, и особенно полюбила нашу маму. Затем

я вышла замуж, уехала в другую республику и ничего не знала о том, что происходит в семье Баджы. И только когда я приехала через несколько лет, узнала, что сыновья дяди Хакима выросли эгоистами, считающими себя пупом земли: все и вся должно вертеться только вокруг них. Они даже не сочувствовали своей матери, когда та слегла в постель. За ней ухаживали Эльмира с Азизой. То же самое, когда болел дядя Хаким. Но он все равно очень гордился сыновьями, приписывая им несуществующие достоинства.

Когда я приехала домой в очередной раз, Баджы уже не было живых: как мне рассказали, она и умирала тихо, не беспокоя никого. Ночью уснула, а утром не проснулась. Эльмира с Азизой вышли замуж и жили в другом городе, Этибор тоже женился и привел жену в дом. А дядя Хаким выглядел очень бодрым в свои восемьдесят с лишним лет и ходил прямой, как жердь. Даже смерть Баджы не скосила его. Он ел и пил за четверых, был в трезвом уме. Только Зарнишан постарела и сильно сдала... Шутка ли сказать, ладить с тремя невестками! Глядя на неуважительное отношение сыновей к матери, и невестки не ставили ни во что свою свекровь. Мне очень не хотелось идти к ним в дом, где не было больше ни Баджы, ни её дочерей.

– Перестань, – журила меня старшая сестра, – ведь дядя Хаким был твоим первым учителем, да и Зарнишан очень любит тебя и всегда спрашивает нас о тебе.

Действительно, дядя Хаким был моим первым учителем: уже в пять лет я стала проситься в школу, и дядя Хаким взял меня в свой первый класс и посадил за партой перед своим столом. Первый же день похода в школу кончился для меня несмываемым позором: мне очень хотелось в туалет, но никто не сказал мне, что можно отпроситься с урока с этой целью. И сжав ноги, я терпела изо всех сил, но в какой-то момент струя воды потекла к ногам учителя. Посмотрев, откуда текло, учитель сказал строгим голосом:

– Гаджиева, тебе нужно вернуться домой!

И я, осрамленная и смущенная, прикрыв мокрый зад платя фартуком, поплелась из класса. Вот тогда посмеялись надо мной! Даже сейчас, вспоминая этот день, мои близкие падают со смеху.

И я пошла навестить дядя Хакима, который тотчас же вспомнил о моем первом школьном дне и хохотал от всей души. Зарнишан заплакала, обняв меня:

– Ты моя сладкая, наверное, тебе нелегко живется на чужбине одной?!

– Нет, нет, я уже привыкла, выучила язык, да и народ там очень добрый, – успокоила я её.

– Когда же снова увидим тебя? – спросила она сквозь слезы.

– Я приеду непременно, – ответила я ей.

Откуда мне было знать, что переживу страшную трагедию и смогу вернуться, только через много лет.

– Зарнишан парализовало, она уже несколько лет прикована к постели, – сообщили мне дома в очередной мой приезд.

– А дядя Хаким? – спросила я.

– А что ему сделается, это же Кощей бессмертный! – получила я ответ.

– Кстати, а сколько ему лет?

– В этом году исполнилось девяносто пять! – ответила сестра.

Зарнишан я увидела лежащей в постели, она не могла ни шевелиться, ни разговаривать – живой труп. Только в её карих глазах жизнь не погасла, и по тому, как они оживали и становились радостными, я поняла, что она узнала меня. Я нагнулась и поцеловала её в сморщенную щечку и увидела, как из глаз её покатались две крупные слезинки. У меня сжалось сердце от жалости.

Затем мы сидели в комнате с женой Этибора, и она рассказывала о жизни в их доме. Она сама ухаживала за свекровью, так как, как только она слегла, двое младших сыновей с женами вообще уехали из дома. Когда она говорила о дяде Хакиме, в её голоске звучала такая ненависть, что мне становилось не по себе. Когда я спросила о причине, она рассказала мне следующее:

– Тетя Зарнишан уже наказана за свой грех выйти замуж за мужа сестры, и наказана очень жестоко. Смерть сто раз лучше, чем такая жизнь: ведь она живой труп! Может, и хочет покаяться в своих грехах, но Бог отказал ей даже в этом! Поэтому мне очень жаль её... Да и сыновья не дали ей счастья... Поднимали на неё руку, не ставили её ни во что! А дядя Хаким... Вначале я

относилась к нему неплохо, уважала, старалась оказать все почести. Но, видя его отношение к дочерям, я стала охладевать к нему: он делает такую разницу между дочерьми и сыновьями!

– Но не это же причина твоей ненависти к нему? – перебила я её.

– Да, ты права, не это... Я даже не знаю, как тебе сказать... Он же спит в комнате с Зарнишан, как мы не уговаривали его перейти в другую комнату, он не согласился. Тогда мы подумали, что он хочет быть рядом с женой, чтобы ухаживать за ней ночами, когда нас не будет рядом. И вот однажды ночью...

Жена Этибора замолчала, словно подыскивала нужные слова. И я не торопила её.

– И однажды ночью мы услышали громкие стоны Зарнишан и побежали к ней в комнату: оттого, что мы увидели, волосы стали дыбом: дядя Хаким насильовал свою парализованную жену, не обращая никакого внимания на её жалобные стоны. Меня стошнило от увиденного, и я выбежала из комнаты, чтобы меня не вырвало там же. А Этибору стоило большого труда оторвать озверевшего отца от исхудавшего, больного, безжизненного тела матери. Хорошо, что тетя Зерханым не дожила до этих дней, она бы не вынесла этого!

– В его девяносто пять лет?! – не поверила я своим ушам.

– Да, представь себе, этот Кощей ещё не утратил своей мужской силы.

– Так его нужно внести в Книгу Гиннеса! – попыталась я пошутить.

– Разве это смешно? Ты представляешь, каково бедной тете Зарнишан? Она не может не сопротивляться, не защитить себя от этого поддонка!

– И что же, вы перевели его в другую комнату? – посерьёзна я.

– Да, ну что толку, каждую ночь, как только мы засыпаем, он снова идет к ней и насилует её! Ведь я купаю, подмываю тетю Зарнишан, и, вижу это, если даже иногда мы не просыпаемся от её стонов. Мне противно смотреть на него, разговаривать с ним. Как будто даже смерть отвернулась от него!

– Надеюсь, ты никому не рассказывала об этом?

– Нет уж, я рассказала все его сыновьям, пусть видят, какой подлец их отец! И никто из них не хочет с ним общаться! А вот дочери – Эльмира с Азизой, сколько раз говорили с ним, стыдили его. Они от души жалеют тетю Зарнишан. А что толку? Мы же не можем похоронить его живого!

Мы долго молчали. Я не знала, что говорить, что посоветовать ей. Попрощавшись, я вернулась домой. Увидев моё состояние, сестра сразу все поняла:

– Тебе уже рассказали?

– Да. И мне противно даже смотреть на дядю Хакима!

– Сказать, что он выжил с ума, нельзя: он при трезвом разуме. Но почему он ведет себя как животное, не понятно, – задумчиво сказала сестра.

Даже вернувшись к себе домой, я не могла думать ни о чем другом: все мои мысли были о бедной тетей Зарнишан. Я представляла себе, как она – беспомощная, беззащитная не может отбиться от своего озверевшего мужа, и как должно быть ей противно и больно...

Мне позвонили из дома и сообщили, что тетя Зарнишан умерла. «Слава Аллаху, отмучилась! – подумала я с облегчением. – Избавилась от мужа-насильника!»

Через год я узнала, что умер и дядя Хаким. Но его смерть меня совершенно не тронула, напротив, я подумала со злорадством: пусть он теперь ответит на том свете перед Аллахом за все свои грехи на земле!

Хоть и знала прекрасно, что от наших желаний ничего не зависит.

Амаль Ханум ГАДЖИЕВА
(Таджикистан).

* *Баджы* – сестра, уважительное обращение к старшей сестре.
Некаўалар